

А.А.Щелчков

Европейские пилигримы социализма в Латинской Америке в XIX в.

Первые контакты латиноамериканцев с теорией социализма в XIX в. осуществлялись через европейских эмигрантов, последователей идей романтического социализма. Европейцы искали в Новом Свете возможности для практического приложения своих доктрин, основывали экспериментальные поселения. Самые масштабные проекты социалистических общин были реализованы в Бразилии и Мексике.

Ключевые слова: романтический социализм, фурьеризм, фаланстер в Санта-Катарине, Тополобамбо, Виктор Консидеран, Флора Тристан.

Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря.

Пс. 138.

Латинская Америка в XIX в. стала объектом пристального внимания европейских социалистов, предпринимавших многочисленные попытки реализовать свои идеи в Новом Свете. Влияние взглядов и убеждений, обмен людьми и книгами между Европой и Америкой был постоянным и нарастающим процессом. Социалистические идеи, пришедшие из Европы после 1848 г., приобретали в Латинской Америке новое звучание, преломляясь сквозь призму местных представлений об общественном благе.

По существующей традиции этот социализм, следуя определению Маркса, называют утопическим, противопоставляя ему научность марксова учения¹. Однако в нем утопии не больше, чем у Маркса. В последние годы многие исследователи предпочитают говорить о домарксовом социализме как о «первом»² либо как о «романтическом» в противовес «прагматическому» социализму марксистов³. Здесь мы предпочитаем использовать именно эти определения, хотя утопия как «научное» проектирование, социальная инженерия, стремление создать модель идеального общественного устройства и была отличительной чертой первого социализма.

Андрей Аркадьевич Щелчков — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (sch2000@mail.ru).

Хосе Гаспар де Франсиа

Новый Свет манил к себе социалистов XIX в. Многие верили, что именно там будет осуществлен их идеал нового общества. Не зря и «Утопия» Томаса Мора, и «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы, и «Новая Атлантида» Фрэнсиса Бэкона были открыты воображаемыми путешественниками, например, португальцем в случае с «Утопией», что намекало на нахождение этих земель в Новом Свете, и именно с Америкой связывались мечтания об идеальном мире. Как справедливо отметил уругвайский исследователь Фернандо Аинса: «Новый Свет сразу становится проекцией, «противообразом» европейской действительности. Территории утопий, расположенные в различных точках воображаемого пространства, сходятся и объективируются в Новом Свете,

отныне наделенном всеми добродетелями, которые люди от века стремились обрести в каком-то неведомом месте планеты»⁴.

Основоположники романтического социализма Шарль Фурье и Роберт Оуэн обратили свои взоры к США и Латинской Америке. Как утверждал Доминго Фаустино Сармьенто, Фурье посылал свои книги диктатору Парагвая Хосе Гаспару де Франсии, рассчитывая на возможность построения там общества фаланстеров⁵. Фурьеристы испытывали непреодолимую тягу к этой стране, будучи убеждены в социалистической природе режима Франсии. В 1842 г. оказавшаяся в Монтевидео известная французская фурьеристка Луиза Башелет намеревалась уехать в Парагвай для создания там фаланстеров. В своей книге она писала: «Администрация доктора Франсии во многом соответствует социетарной теории Фурье, что вызывает во мне огромное любопытство»⁶.

В сентябре 1828 г. Роберт Оуэн обратился в посольство Лондона в Мексике с просьбой разрешить реализацию его планов по созданию поселений нового типа в штатах Техас и Коауила. Объясняя суть своего проекта, он писал: «Теперь существуют средства, чтобы сформировать человека более развитого, нежели нынешний... Это будет общество свободное от бедности». Оуэн предлагал заселить колонистами эти земли, где будет действовать новый порядок, который положит конец войнам, религиозной нетерпимости и торговой конкуренции⁷.

Мексиканское правительство немало подивилось такой просьбе и отказало, не колеблясь. Однако сын Оуэна Роберт Дэйл утверждал, что его отец никогда не переставал думать о Мексике как о площадке для создания нового общества⁸. Впрочем, этот эпизод так и остался историческим анекдотом, не имевшим никаких последствий для Мексики.

ФЛОРА ТРИСТАН В ПЕРУ

Флора Тристан (1803—1844) прославилась как одна из первых французских и перуанских феминисток и социалисток. Ее отец Мариано де Тристан был перуанским аристократом из Арекипы. После его смерти в 1807 г., семья познала все тяготы бедности. Флора посвятила свою жизнь борьбе за права женщин и распространению социалистических идей. Она рано познакомилась с трудами Фурье и была увлечена его учением. Побывала в Англии, где поддерживала чартистов, общалась с Оуэном. Результатом этой поездки стала книга «Прогулки по Лондону», потрясавшая своим реализмом в описании ужасающего положения рабочего класса. Прудон ставил Флору Тристан в один ряд с Жорж Санд, Фелисите-Робером Ламенне, Пьером Леру, Виктором Консидераном. Ее книгой вдохновлялся Фридрих Энгельс в написании своей работы «Положение рабочего класса в Англии»⁹.

Флора Тристан

В 1833—1834 гг. Тристан предприняла путешествие в Перу, где рассчитывала получить причитающуюся ей часть наследства отца. Описание этой поездки легло в основу ее книги «Странничество парии», в которой она декларирует свое политическое кредо: «Все люди братья, а весь мир — наша общая родина»¹⁰. Страницы этой книги, посвященные пребыванию Флоры в Перу, полны пессимизма и острой критики «вопиющего неравенства и нищеты», суеверия и невежества народа, лицемерия и тщеславия креольской верхушки¹¹. Страна разочаровала и огорчила молодую социалистку. Она писала: «Будь проклята эта общественная система, которая противна Провидению, ибо вместо любви предлагает человеку кандалы узника, разделяет общество на господ и рабов»¹².

Тристан интересовалась местной историей и политической борьбой. Она дала очень корректные и яркие определения политическим деятелям. Любопытно, что она назвала либерала и республиканца, священника Франсиско Луну Писарро, с которым познакомилась в Арекипе, «маленьким перуанским Ламенне»¹³.

В Арекипе в момент нахождения там Флоры жил не только Луна Писарро, но и учитель Боливара, просветитель и утопист Симон Родригес, который был знаком с ней, когда она была еще ребенком. Ее дядя Пио Тристан в письме к Флоре отмечал, что Симон Родригес, которого она в детстве знавала как «Робинзона», рассказывал ему о ней¹⁴. Странно, но она ничего не пишет о Родригесе, хотя ее как иностранку и родственницу известного аристократического семейства посещали почти все видные горожане и любопытствующие просвещенные граждане.

Флора Тристан покинула Перу в июле 1834 г. с горьким чувством и обидой на своих родственников. Однако, она не перестала интересоваться Южной Америкой. В тот же год она опубликовала письма Боливара к ее отцу. Круг общения Тристан в Перу был достаточно широк, чтобы можно было сделать вывод о том, что ее взгляды должны были оставить некоторый след. Ее книга о пребывании в этой стране вызвала возмущение и ярость креольской верхушки. Имя Флоры Тристан поносились, а сама книга была публично сожжена в 1840 г. на центральной площади Арекипы.

Путешествие Флоры в Перу имело неожиданное продолжение. В 1849 г. после разгрома революции во Франции ее дочь Алина с мужем искали убежища в Перу. В эту поездку с ними отправился их маленький сын, в будущем великий художник Поль Гоген. Впоследствии он писал: «Моя бабушка была слегка странной женщиной. Ее звали Флора Тристан»¹⁵. Дочь Флоры стала убежденной социалисткой. Она умерла в фаланстере в Париже.

Влияние взглядов Тристан на перуанскую общественную мысль нельзя игнорировать. Так, ее книги «Прогулки по Лондону» и «Рабочий союз» штудировал предтеча перуанского индеанизма и социализма Хуан Бустаманте¹⁶. Перуанцы считают пламенную феминистку и социалистку Флору Тристан предшественницей перуанского социализма¹⁷.

НА РИО-ДЕ-ЛА-ПЛАТЕ

В первой половине XIX в. Уругвай, боровшийся за независимость, был притягательным местом для европейских революционеров и социалистов. Во время осады Монтевидео аргентинскими войсками там оказались европейские социалисты, итальянские карбонарии, мадзинисты, сам Гарибальди. В 1839 г. в туда прибыл и фурийерист Жан-Батист Тандоннет. Этот французский социалист оказал большое влияние на молодых латиноамериканских либералов. Именно от него Доминго Фаустино Сармьенто узнал о Шарле Фурье и его учении¹⁸. Тандоннет оставался в Уругвае два года, в течение которых стал издавать газету на французском языке для своих соотечественников (в те годы в Монтевидео на 31 тыс. жителей приходилось более 6 тыс. французов и четыре тысячи итальянцев).

Со страниц своей газеты Тандоннет высказался против создания французского легиона защитников города, за что власти выслали его прочь. Так он оказался в стане осаждавших. Он завоевал доверие генерала Мануэля Орибе, который снабдил его рекомендательным письмом к диктатору Хосе Мануэлю Росасу в Буэнос-Айрес, куда Тандоннет и отправился. Социалист надеялся найти у Росаса поддержку своим фурийеристским проектам.

Тандоннет встретился с Росасом. Он был очарован простотой и доступностью Росаса, стал сотрудничать с его режимом. Сармьенто объяснял увлечение Тандоннета Росасом индифферентностью фурийеризма в отношении политического режима, готовностью сотрудничать с монархиями и диктатурами: «Чего не могу простить Фурье, чьим доктринам был верен мой друг Тандоннет, так это того, что им был безразличен тот ужасный

политический вред, который принесли деспотизм Буэнос-Айреса и его друг и добряк Хуан Мануэль» (Росас. — *А.Щ.*)¹⁹.

В 1845 г. Тандоннет перебрался в Рио-де-Жанейро. Там он издавал оказавшийся недолговечным журнал «*Revue Socialiste*». В 1846 г. Тандоннет вернулся во Францию на одном корабле с Сармьенто. В книгах Сармьенто рассказал не только о своих впечатлениях от совместной поездки и взглядах спутника, но и о его влиянии на развитие латиноамериканской мысли²⁰. Хотя Тандоннету и не удалось основать на Ла-Плате группу последователей социализма, его активная деятельность оставила свой след, прежде всего, среди представителей «поколения мая», таких, как Сармьенто.

ФАЛАНСТЕРЫ В БРАЗИЛИИ

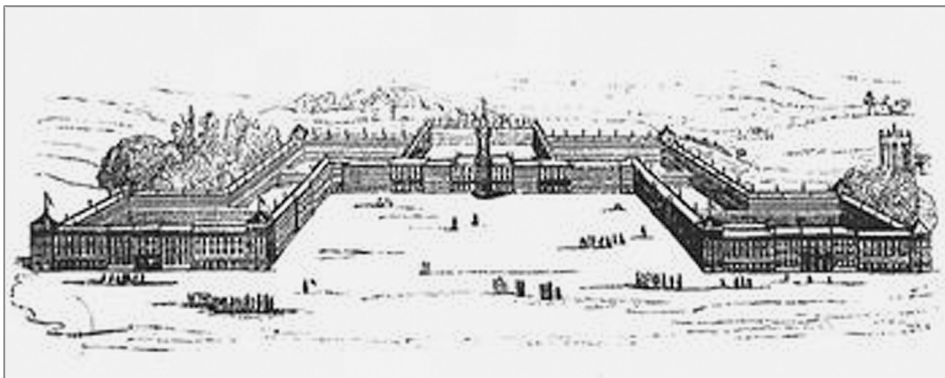
Европейские социалисты легче всего добивались до бразильских берегов, где надеялись реализовать свои фантастические проекты и думали найти покровительство просвещенного императорского двора. Именно Бразилия была островом стабильности и предсказуемости, привлекала экзотическим великолепием природы, обилием свободной земли.

В 1840 г. французский инженер Луис Вотье прибыл в Ресифи на северо-востоке Бразилии. Он был убежденным фурьеристом и на новом месте отдал много сил пропаганде своих идей. Его близкими друзьями стали вожди «бразильского 48 года» — революции в Пернамбуко: Жозе Инасио Абреу-и-Лима и Антонио Педро де Фигейредо. Вотье пытался издавать фурьеристскую газету «*Falanga*»²¹. В местной прессе Вотье стал одним из первых, кто выдвинул лозунг раздела крупной земельной собственности и передачи земли тем, кто ее обрабатывал. Правда, в отличие от Фурье и других идеологов социетарной школы, отвергавших и презиравших рабство, Вотье оправдывал его как «необходимое зло» во имя технического и экономического прогресса Бразилии²². По мнению классика бразильской историографии Жильберто Фрейре, Вотье немало сделал для «укоренения социалистических идей в этой части страны». Фрейре называл его «инженером мостов и идей»²³.

В 1846 г. Вотье покинул Ресифе и вернулся во Францию, где активно участвовал в революции 1848 г., в частности, был депутатом Национальной ассамблеи от социалистов.

Последующие события показали, что социалистические идеи нашли благоприятную почву на северо-востоке Бразилии. Деятельность Вотье в Пернамбуко немало способствовала не только активной дискуссии по социальным и политическим вопросам, которая подготовила события в Ресифи в 1848 г., но и побудила Жозе Инасио Абреу-и-Лиму к написанию работы о социализме (1852).

Другим местом приложения усилий европейских социалистов был юг страны, Санта-Катарина. Жюль-Бенуа Мюр (1809—1858) сыграл решающую роль в фурьеристском эксперименте в Санта-Катарине. Он представлял группу фурьеристов из Лиона, которые искали место для осуществления «социетарного» проекта, фаланстера. По совету Тандоннета их выбор пал на Бразилию.

Проект фаланстера в Бразилии

Для осуществления своих проектов французские социалисты воспользовались существовавшей юридической системой: они создали акционерное общество (так делали многие утописты для своих свершений в Новом свете) «Промышленный союз», который зарегистрировали в сентябре 1840 г. в Париже в бразильском консульстве. Мюр переехал в Бразилию и стал готовить почву для прибытия основных сил фурьеристов²⁴.

Он добился от императорского правительства концессии в Санта-Катарине на полуострове Саи недалеко от нынешнего Флорианополиса. Бразильский парламент не только передал Мюру земли в концессию, но и выделил «подъемные» в сумме 64000 реалов²⁵. Бразильские власти в те годы возлагали большие надежды на европейскую иммиграцию для колонизации южных районов страны. Во Франции были набраны 110 энтузиастов (в том числе женщин и детей) для бразильского проекта. В сентябре 1841 г. все они собрались в Париже и после ритуального посещения могилы Фурье на кладбище Монмартра отправились в далекое путешествие²⁶. По прибытию в Рио-де-Жанейро колонисты были приняты со всеми почестями. Они удостоились аудиенции у императора.

Сразу же после переселения в Бразилию среди поселенцев произошел раскол. Мюр считал себя основателем и формальным лидером фаланстера и выделял акционеров «Промышленного союза» как руководящую группу, полагая, что они и должны распоряжаться займом, полученным от бразильского правительства.

«Чистые» фурьеристы не желали придерживаться принципов «капиталистического предприятия» и требовали немедленного введения в жизнь «социетарных» принципов. Они отказывались принимать заем и признавать руководящие претензии Мюра. «Чистые» во главе с Мишелем Мари Деррионом (1803—1850), одним из основателей и теоретиков кооперативного движения, опытным лидером социалистов Лиона, более десяти лет возглавлявшего тамошних фурьеристов²⁷, отделились от Мюра.

В дело вмешалось бразильское правительство, которое решило этот спор миром. Две группы получили разные, хотя и соседние участки, а также на двоих разделили правительственную субсидию. Так в Санта-Катарине образовались «Фаланстер Оливейра»²⁸ Мюра и «Фаланстер Палмитал»²⁹ Дерриона. Для пропаганды успехов бразильских фаланстеров во

Франции издавалась газета «La Premier phalanstère». Хотя новость о расколе не способствовала успешной деятельности, тем не менее в 1842 г. в Бразилию прибыли еще 117 волонтеров, распределившихся по обоим фаланстерам. Через год прибыли новые колонисты. В Палмитале насчитывалось 200 человек, а у Мюра около 100. Мюр заявлял, что они (фурьеристы) привлекли в свой проект всего 500 человек³⁰.

Однако тяжелая жизнь и примитивный быт вызвали разочарование многих, искавших рая на земле в экзотических странах. Люди стали покидать поселения. В 1843 г. во время торжественного собрания в годовщину смерти Фурье в фаланстере Мюра присутствовали лишь 60 человек.

В 1843 г. к поселенцам присоединилась фурьеристка и феминистка Луиза Башелет³¹, прибывшая в Бразилию из Монтевидео. Она оставила описание жизни фаланстера Мюра. Согласно ее книге, колонны жили в отдельных домах, у них были лесопилка и кирпичная фабрика. Они занимались рыбной ловлей и сельским хозяйством, выращивали европейские фруктовые деревья. Жизнь была тяжелой и очень скромной. Обращает на себя внимание тот факт, что фурьеристы пользовались трудом местных индейцев для особо тяжелых или объемных работ. Это были наемные батраки³², что противоречило самой сути доктрины. Неплохой доход приносило строительство лодок, которые продавались местным жителям. На рынок колонисты поставляли также машины для очистки риса.

Фаланстеры владели жалкое существование. Однако продержались они довольно долго. В 1846 г. по крайней мере один из них еще функционировал, однако к этому моменту вожди уже покинули своих последователей. Деррион и Мюр перебрались в Рио-де-Жанейро, где успешно примирились. Оба входили в фурьеристский кружок в бразильской столице. Мюр активно помогал фаланстерам в Саи. В 1844 г. при его посредничестве в колонию прибыли еще 120 человек. Была построена мебельная мастерская; продукция через Мюра продавалась в Рио³³.

Мюр был известным врачом-гомеопатом, создал Гомеопатический институт, написал научное исследование о лекарственных травах и ядах Бразилии³⁴. Его авторитет среди врачей был столь велик, что большинство гомеопатов Рио посещало фурьеристские собрания.

Деррион издавал газету «O Socialista da provincia do Rio de Janeiro», основал фурьеристскую публичную библиотеку. Он умер в 1850 г. от эпидемии желтой лихорадки. Мюр же вернулся в 1848 г. в Париж, где участвовал в революционных событиях. Он был разочарован в результатах социального эксперимента в Бразилии. «Я должен признать провал этого дела, которое, как мне казалось недавно, так легко осуществить. Одно лишь утешает меня, что я сделал все от меня зависящее для его реализации. Я был частью большого гуманитарного движения, и я уверен, что это великое движение медленно, но верно приведет нас к новым рубежам, обещающим блестящее будущее всему миру»³⁵.

Оба француза оставили заметный след в истории Бразилии, но их инициатива с фаланстерами закончилась неудачей. Этот проект опирался на иностранных колонистов, не желавших, чтобы в их дела были вовлечены местные жители. Фаланстеры так и остались для бразильцев экстравагантной выходкой иностранцев, ничего не оставив после себя, кроме историче-

ского анекдота, хотя деятельность их лидеров в Рио-де-Жанейро посеяла зерна социализма в общественной жизни страны.

С ВЕРОЙ В МЕКСИКУ

Инициатива Оуэна, о которой уже говорилось выше, не была единственной попыткой европейских социалистов-утопистов создать в Мексике экспериментальные колонии. В начале 30-х годов XIX в. во Франции Лэне де Вильвек пропагандировал идею поселения в местечке Коатцакоалькос. 9 июля 1832 г. он обратился в журнал «Phalastère» с предложением передать фурьеристам концессию в Мексике, которую журнал якобы имел для устройства колонии. Тогда же другой француз Стефан Гено вместе со своими сподвижниками создал фаланстер в Хикальтепеке в штате Веракрус³⁶.

Середина века была одним из самых драматических в истории Мексики периодов, когда решался вопрос не только будущего социального развития страны, но и независимости ее существования. Французская интервенция, воцарение Максимилиана I Габсбурга и последовавшая затем освободительная борьба мексиканского народа закончились изгнанием иностранных войск и торжеством республики. Французские социалисты-фурьеристы с большим энтузиазмом приняли французское вторжение в эту страну. Именно в эти годы Мексика занимала внимание известного фурьериста Виктора Консидерана.

ПИСЬМА КОНСИДЕРАНА МАРШАЛУ БАЗЕНУ

Виктор Консидеран (1808—1894) был знаменитым французским социалистом, учеником и последователем Фурье. После смерти последнего в 1837 г. он стал лидером этого движения во Франции. Консидеран был автором многочисленных работ, имевших целью пропаганду доктрины и экспериментов фурьеристов. Он модернизировал терминологию фурьеризма: стал использовать термины «классовая борьба», «угнетенный пролетариат», «капиталистическая эксплуатация» и пр.

После революции 1848 г. Консидеран был осужден на изгнание из Франции. Сначала он жил в Бельгии и Швейцарии, а в 1852 г. отправился в Америку. В США в 1854 г. им был создан фаланстер «Ла Реуиньон». С 1861 г. Консидеран жил в Сан-Антонио на мексиканской границе. Там он познакомился с мексиканским офицером Альберто Санта-Фе, будущим автором «Закона народа» — самой радикальной работы по аграрному вопросу в Мексике XIX в. Санта-Фе стал своего рода гидом Консидерана в его поездках по Мексике.

Французская интервенция и перспектива воцарения «прогрессивного» императора Максимилиана вызвала живой интерес у Консидерана, посчитавшего это обстоятельство благоприятным для реализации своих реформистских планов. 3 октября 1863 г. он написал пространное письмо Максимилиану Габсбургу, в котором призвал его к реформам и созданию новой общественной системы. Однако это послание Консидеран так и не отправил.

Более известны его письма командующему французскими экспедиционными войсками в Мексике маршалу Франсуа Базену. Всего их было четыре. Первое датировано 15 мая 1865 г. — периодом апогея интервенции после провозглашения империи. Первые два письма были посланы с нарочным, а последние скорее всего адресат так и не получил. Впоследствии, в 1868 г. Консидеран опубликовал их все в Брюсселе³⁷.

Виктор Консидеран

Консидеран не предлагал маршалу фурийских экспериментов, а писал о срочных социально-экономических реформах. «Есть в Мексике отвратительный институт, являющийся наследием безграничной алчности конкистадоров, животного чувства — смеси лисы и тигра, которое столько времени культивировала Священная инквизиция под предлогом защиты Бога и Евангелия. Этот позорный институт называется пеонажем». Пеоны — это современные рабы. Крестьяне получают в долг средства, за которые обязаны работать на полях помещика. Однако, проценты растут быстрее доходов крестьянина, и его долг переходит к его детям. «Мексиканец, став пеоном, останется им на всю жизнь»³⁸.

Французский фурийист с презрением отзывался о мексиканской элите: она жадна, безжалостна, корыстна, готова пожирать бедных индейцев. Всю эту порочную систему освещает церковь, она — часть заговора. Консидеран считал, что мало отменить пеонаж — необходима аграрная реформа: «Земельная собственность должна иметь множество субъектов»³⁹.

Консидеран пишет, что крестьяне, ремесленники, простой народ — лучшие представители Мексики. Это сердечные, добрые люди, готовые поделиться всем своим имуществом с ближним. Мексиканцы — лучший материал для социального экспериментирования социалистов-утопистов, а главное, это народ, жаждущий справедливого общественного устройства. Собственно в этом и заключалась причина такого внимания к Мексике со стороны Консидерана. Он предлагал императорскому правительству немедленно провести социальную реформу и, главное, — отменить пеонаж. «Пока в Мексике не будет уничтожен пеонаж, там будут нищие и слабое сельское хозяйство, отсталая промышленность, порочное и низкое государство, будет царить проституция, церковь, незаконный суд, подкуп; военные будут совершать перевороты, а чиновники останутся аморальными, политики — продажными интриганами»⁴⁰. Эта система препятствовала формированию самой мексиканской нации.

Консидеран предпочитал реформу сверху. Он верил, что простым декретом можно изменить реальность. Для него было безразлично, какой

политический режим станет реализовывать нужные преобразования. Он уже однажды, в 1834 г., посвящал свою работу «Общественная цель» королю Луи-Филиппу.

Хотя Консидеран больше симпатизировал Бенито Хуаресу и мексиканским либералам, он был разочарован их неспособностью провести социальные реформы. Либералы, буржуа, помещики — это эгоистический класс, неспособный решить социальные вопросы, поэтому они и остановились перед аграрной проблемой. «Ошибка Хуареса, — писал Консидеран, — в том, что он находится в союзе с этой партией правящего класса. Объяви он об отмене пеонажа, он был бы непобедим, а интервенты были бы сброшены в море». Но, увы, Хуарес не сделал этого, поэтому Консидеран в большей степени ориентировался на Максимилиана I⁴¹.

Консидеран верил в цивилизаторскую миссию европейских стран и, прежде всего, Франции, поэтому ему казалось вполне объяснимым положение, когда при равнодушии местных либералов выполнение исторической задачи, стоящей перед ними, берет на себя европейский колонизатор. Свое второе письмо к маршалу Консидеран завершил словами: «Если у императора нет возможности осуществить это (отмену пеонажа. — *А.Щ.*), ему остается только отречься»⁴².

Два его последующих письма не оставляют сомнения, что он утратил веру в интервенцию. Эти письма были полны сарказма. Он призывал Максимилиана I отречься, а Хуареса уничтожить пеонаж, США — оставить Мексику в покое, французские войска — вернуться домой. В последнем письме, написанном уже после расстрела Максимилиана, о котором он еще не получил известий, Консидеран призывал Базена провозгласить республику. На этом мексиканская эпопея Консидерана закончилась. В 1869 г. он вернулся в Париж.

В его мексиканских письмах мало социализма. Кроме восторга от достоинств мексиканского народа, по природе своей предрасположенного к справедливому социальному устройству коллективистского типа, все тезисы писем касаются проведения радикальных буржуазно-демократических реформ. Письма французского фурьериста — это исторический упрек Хуаресу и мексиканским либералам, всему движению Реформы, оказавшимся неспособными решить главный вопрос национальной жизни — земельный. Эти письма и сама деятельность Консидерана оказали большее влияние на взгляды мексиканских аграристов, главным программным документом которых стала работа «Закон народа» его друга Альберто Санта-Фе⁴³. И хотя Консидеран больше не возвращался к мексиканским темам, эта страна все-таки занимала часть его души. Так, например, современники сообщали, что в 1880-е годы он бродил по Латинскому кварталу Парижа в костюме мексиканского крестьянина...

«ГОРОД МИРА» В ТОПОЛОБАМБО — ПОСЛЕДНЯЯ УТОПИЯ XIX ВЕКА

Эта история связана с именем Альберта Кимси Оуэна (1847—1916). По профессии он был инженером, строителем железных дорог. В 1868 г. Оуэн первый раз посетил Мексику и сразу увлекся идеей создания там идеального поселения, фаланстера. В сентябре 1872 г. во время оче-

редной поездки в Мексику он прибыл к берегам Калифорнийского залива, где нашел хорошее место для коммуны его мечты. Эта бухта называлась Тополобамбо.

В 1879 г. Оуэн создал «Texas, Topolobambo and Pacific Railroad Company», в задачу которой входило получение концессии на строительство железной дороги из Техаса в Тополобамбо⁴⁴. В 1881 г. он вступил в переговоры с мексиканским правительством. На этом поприще Оуэну сопутствовала удача. 5 декабря 1882 г. президент Мануэль Гонсалес подписал декрет о строительстве железной дороги, о колонизации района Тополобамбо и основании города Сьюдад-Гонсалес (в те годы в Мексике было модным называть города именами президентов). Колонизация была поручена компании Оуэна. Затем название города по его настоянию изменили на Ciudad de la Paz («Город Мира»). Оуэн был настойчивым бизнесменом. Только за один месяц ему удалось разместить 15 тыс. акций новой компании, то есть средств для начала проекта нашлось достаточно. Оуэн в своих планах опирался на группу американских фурьеристов, мечтавших о создании фаланстеров.

В 1897 г. в Лондоне он издал теоретическое обоснование своего проекта — брошюру «Мечта об идеальном городе»⁴⁵. В отличие от своих предшественников он не думал об аграрной колонии, фаланстере, а писал о городской общине равенства. Оуэн сразу же заявлял о гигантских масштабах своего проекта. Именно масштабность и успешность могли стать залогом показательного примера, которому захотели бы последовать другие. Он не хотел повторять ошибки своих предшественников, а пытался сделать все иначе, чтобы избежать очередного поражения.

По идее Оуэна «Город Мира» должен был быть больше Нью-Йорка, но с парками, аллеями, с нетрадиционным урбанистическим планом, с прекрасно построенными кварталами, пальмовыми аллеями. Все будет электрифицировано, вплоть до контроля за температурой воздуха. Урбанистическая фантазия Оуэна рисовала роскошный мегаполис, в котором будут возведены целые кварталы, имитирующие лучшие архитектурные сооружения со всего мира. Он писал: «Это будет город, в котором преобладает эклектика, где найдут применение лучшие идеи, изобретения, теории и машины»⁴⁶.

Социальная организация в городе должна была основываться на сочетании общественного и частного интереса; земля и естественные ресурсы находиться в общественной (муниципальной) собственности, результаты труда и личное имущество было частным. В общественной собственности были бы транспорт, связь, рынки, театры, прачечные и рестораны. В частной — телега, лодка, велосипед, орудия труда. Оуэн писал: «Это будет город, где частная собственность — священна, а общественная никогда не будет монополизирована в пользу отдельных лиц»⁴⁷. Основу экономики «Города Мира» должно было составлять общее землевладение — 100 тыс. акров. Жизнь города предлагалось строить на «интегральной кооперации», состоящей в действии принципов ассоциации, науки и планирования. Оуэн писал: «Кооперация заменит собой конкуренцию»⁴⁸. Она должна уничтожить бедность, сильные помогут слабым. Будут преодолены конкуренция, разделение труда, концентрация капитала, старые формы

собственности, то есть созданы новая реальность, идеальный общественный строй.

Главной проблемой Оуэн считал организацию товарообмена и справедливого распределения, так как недостаточно лишь провести изменения в режиме собственности, нужно сделать так, чтобы она работала на человека. Если с общественными кухнями и столовыми, больницами и школами все было ясно, то с организацией труда и распределением на общественной основе — гораздо сложнее. Оуэн был против уравнительности, боялся утраты интереса к труду, но выступал против возможности имущественного расслоения среди колонистов.

По его идее, все были обязаны трудиться, при этом 1/3 каждого дня плюс один выходной в неделю были предназначены для досуга, для гармоничного развития личности. Результаты труда следовало передавать общине по себестоимости. Община (муниципалитет) являлись бы единственными покупателями товаров для перепродажи горожанам через общественные магазины без торговых наценок. Вся «внешняя» торговля осуществлялась бы через муниципалитет, который должен был определять, что продать из своего продукта, а что следует купить, и за какую цену продать горожанам.

Обращение денег отменялось. Доступ к досугу, баням, школам был бесплатным, а вот товары и услуги для личного потребления можно было приобрести через «трудовой кредит». Создавался «Трудовой банк», в который каждый трудящийся вкладывал свои рабочие часы или эквивалент произведенной им продукции на продажу. В обмен трудящиеся получали «трудовой кредит», на который можно было приобрести товары. Магазины автоматически снимали эти «единицы» со счетов трудящихся. Для функционирования этой системы не были нужны налоги, они отменялись. Вводился запрет ростовщичества, всякой иной торговли, кроме как через общинные магазины. В город был закрыт доступ спекулянтам и торговцам. Деньги, имущество переставало играть какую-либо специальную функцию. Авторитетом и почетом будут пользоваться только передовики производства: «Новая аристократия будет основываться лишь на производительном труде»⁴⁹.

В «идеальном городе» А.Оуэна нашли отражение почти все социалистические идеи XIX в. Здесь есть влияние социетаризма Фурье, коммунизма Этьена Кабэ, кооперативизма Роберта Оуэна и сен-симонизма. У первого он взял принцип объединения труда, капитала и таланта (интеллекта). У Анри Сен-Симона — приоритет технологической революции, освобождающей людей от рабства физического труда, и идею аристократии труда. У Кабэ — равенство в распределении. У Р.Оуэна — кооперацию как альтернативу капитализму и просвещение трудящихся. Фактически Альберт Оуэн в конце XIX в. предложил проект, представлявший собой синтез всех теорий утопического социализма его предшественников.

Первые колонисты прибыли в Тополобамбо в 1886 г. Их было 300 человек (сам Оуэн остался в США). В 1892 г. к ним присоединились еще 495. Всего через колонию прошли 1245 человек, что делает ее рекордсменом среди подобных проектов. Почти все были гражданами США. Мексиканцев было только 23 человека. В соответствии с идеями Оуэна учредили «трудовой кредит» в эквиваленте 3 долл. за 8-часовой рабочий день⁵⁰. Ко-

лонисты избрали своих бригадиров и координаторов. Первые занятия сводились к доставке питьевой воды, сбору яиц морских птиц в окрестностях, столярным работам и благоустройству примитивных жилищ. До урбанистических изысков Оуэна было еще очень далеко. С самого начала возникли проблемы с продовольствием, и многие отказывались делиться пищей, что подрывало сами основы кооперации и солидарности. Начались болезни, люди страдали от эпидемии оспы. В результате значительное число колонистов уехало⁵¹.

На следующий год Оуэн лично стал заниматься коммуной. В 1887 г. община купила земли на 4 тыс. долл. Начался период относительного благополучия, продлившийся три года. Колонисты возделывали огороды, выращивали сахарный тростник на продажу, ловили рыбу. Они обеспечивали себя всем необходимым, хотя некоторые проблемы оставались.

В 1891 г. возник конфликт между Оуэном и частью поселенцев. Дело в том, что недовольные поставили под сомнение сам принцип жизни колонии. Они утверждали, что равная зарплата лишает людей стимулов к труду. Однако отказ от равенства в зарплате разрушал саму идею общества солидарности и имущественного равенства. Люди стали покидать поселение: к 1893 г. там оставалось около 400 колонистов. Сам Оуэн был разочарован спорами и скромными хозяйственными успехами. Он уехал из Тополобамбо. Вслед за Оуэном колонию покинули еще 30 семей. На месте остались лишь самые бедные, те, у кого не было средств для отъезда.

«Идеальный город» умирал. О контракте с мексиканским правительством по строительству железной дороги уже никто не вспоминал. В январе 1899 г. он был аннулирован: построить удалось лишь несколько метров полотна. В 1913 г. правительство США репатриировало последних колонистов, кроме тех, кто остался по своей воле и ассимилировался в Мексике.

Таков был конец «идеального города Мира». В Мексике этот социальный эксперимент воспринимался как «американское чудачество» и не более. Однако дело Оуэна не прошло бесследно. На Тополобамбо смотрели с любопытством и даже с завистью. Уровень жизни колонистов был много выше, чем у окрестных мексиканских крестьян. Там была создана хорошая библиотека (правда, по большей части англоязычная), издавалась собственная газета и даже работал театр⁵². Историк Гастон Гарсиа Канту утверждал, что Тополобамбо был самой успешной попыткой европейской (североамериканской) колонизации в Мексике в XIX в.⁵³. Кроме того, Тополобамбо как поселение сохранился вплоть до сегодняшнего дня.

Тополобамбо символически завершал и сам XIX в., став своего рода финальным аккордом всего романтического социализма Мексики этого столетия. Оуэн попытался приспособить утопические идеи уходящего века к новой реальности индустриального общества, но его «идеальный город», как и его предшественников, строивших фаланстеры в деревне, также постигла неудача.

Европейские социалисты стремились в Америку в надежде осуществить свои идеи на новой «земле обетованной», где еще не укоренился промышленный капитализм, а в укладе жизни населения сохранились черты первобытности. Экономические проекты строились прежде всего на моральных

принципах, в них проповедовались равенство, солидарность, справедливость. С индустриальной, хозяйственной точки зрения они были утопичны. Однако именно антропологический и моральный принцип делали эти идеи жизнеутверждающими и, возможно, актуальными для последующих поколений людей, как бы снисходительно они ни улыбались, говоря об утопии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: А.В.Шубин. Социализм. «Золотой век» теории. М., 2007.
- ² C.I l l a d e s. Las otras ideas. Estudio sobre el primer socialismo en México. 1850—1935. México, 2008.
- ³ P.-L.A b r a m s o n. Las utopías sociales en América Latina en el siglo XIX. México, 1999, p. 13.
- ⁴ Ф.А и н с а. Реконструкция утопии. М., 1999, с. 146.
- ⁵ D.F.S a r m i e n t o. Viaje en Europa, África y América. Buenos Aires, 1854, p.124.
- ⁶ Цит. по: P.-L.A b r a m s o n. Op. cit., p. 215.
- ⁷ G.G a r c í a C a n t ú. El socialismo en México. Siglo XIX. México, 1969, p.266—268.
- ⁸ Utopismo socialista, 1830—1893. Prólogo, selección, notas y cronología de Carlos Rama. Caracas, 1977, p. LIV.
- ⁹ Op.cit., p. XXI.
- ¹⁰ F.T r i s t á n. Mi vida. Santiago de Chile, 2003, p. 36
- ¹¹ F.T r i s t á n. Peregrinación de una paria. La Habana, 1984, p.177.
- ¹² F.T r i s t á n. Mi vida, p. 7.
- ¹³ Ibid., p. 126—127.
- ¹⁴ Ibid., p. 120.
- ¹⁵ P.-L.A b r a m s o n. Op. cit., p. 48.
- ¹⁶ Подробнее см.: А.А.Щелчков. Путешествие Хуана Бустаманте в Россию в 1848 г. — Латинская Америка, 2009, № 4, с. 69.
- ¹⁷ El anarquismo en América Latina. Caracas, 1990, p. XCVIII
- ¹⁸ P.-L.A b r a m s o n. Op. cit., p. 31—32.
- ¹⁹ D.F.S a r m i e n t o. Op. cit., p. 127.
- ²⁰ Op.cit., p.123—125.
- ²¹ L.V a u t i e r. Diário íntimo do engenheiro Vauthier, 1840—1846. Prefácio e notas de Gilberto Freyre. Rio de Janeiro, 1960, p. 739.
- ²² C.O.P o n c i o n i. Brasil visto por Louis Léger Vauthier (Pernambuco, 1840—1846). Diário e cartas. — Navegações. Porto Alegre, 2010, v. 3, N 2, p. 126.
- ²³ I.A n d r a d e M a r s o n. Um Engenheiro Francês no Brasil (Re)descobrimo Louis-Léger Vauthier. — Acervo. Rio de Janeiro, 2010, v. 23, N 1, p. 179.
- ²⁴ Этот эксперимент вызывает живой интерес во сей день. Каталонский фотограф и художник Адриа Хулиа в 2009—2010 гг. провел ряд выставок, посвященных бразильским фаланстерам в Мексике, Испании, Бразилии и других странах. — El País. Madrid, 26.XI.2010.
- ²⁵ M.V i n h a s d e Q u e i r o z. Fourier e o Brasil. — Revista História. Sao Paulo, 1990, N 122, p. 6.
- ²⁶ P.-L.A b r a m s o n. Op. cit., p. 211.
- ²⁷ J.G a u m o n t. Le Commerce véridique et social de 1835 et ses souscripteurs. — Revue des Études Coopératives. Paris. 1925, N 15, p. 296.
- ²⁸ По имени бригадного полковника Машаду де Оливейра, влиятельного бразильского политика, ставшего покровителем Мюра.
- ²⁹ По названию местной реки.
- ³⁰ A.G o n ç a l v e s. As comunidades utópicas e os primórdios do socialismo no Brasil. — E-topia: Revista Eletrônica de Estudos sobre a Utopia, N 2 (2004).
- ³¹ Тандоннет крайне негативно отнесся к планам Башелет присоединиться к бразильцам, так как считал весь проект в Бразилии диссидентским в фурьеризме, отклонившимся от теории учителя.
- ³² P.-L.A b r a m s o n. Op. cit., p. 216.
- ³³ M.V i n h a s d e Q u e i r o z. Op. cit., p. 11.

- ³⁴ Император Педро II был увлечен гомеопатией, что отчасти объясняет его личное благоволение к Мюру и его проекту фаланстеров на юге.
- ³⁵ *La Philosophie absolue*, par le docteur Mure. Paris, 1884, p. 188.
- ³⁶ C.I l l a d e s. Op. cit., p. 184.
- ³⁷ На испанском они опубликованы уругвайским историком Карлосом Рамой. — *Utopismo socialista*, p. 207—236.
- ³⁸ Op.cit., p. 207—208.
- ³⁹ Ibid., p. 222.
- ⁴⁰ Ibid., p.224.
- ⁴¹ Ibid., p.227—228.
- ⁴² Ibid., p.235.
- ⁴³ C.I l l a d e s. Op. cit., p.124.
- ⁴⁴ *Utopismo socialista*, p. LXI.
- ⁴⁵ A.K.O w e n. *A dream of an ideal city*. London, 1897. Перевод на испанский язык этой брошюры опубликован в: G.G a r c í a C a n t ú. Op. cit., p. 406—412.
- ⁴⁶ Op.cit., p. 411—412.
- ⁴⁷ Ibid., p. 407.
- ⁴⁸ Ibid., p. 410.
- ⁴⁹ Ibid., p. 407.
- ⁵⁰ C.I l l a d e s. Op. cit., p. 199.
- ⁵¹ G.G a r c í a C a n t ú. Op. cit., p.257.
- ⁵² C.I l l a d e s. Op. cit., p. 202.
- ⁵³ G.G a r c í a C a n t ú. Op. cit., p. 253.